

РУССКОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ XV–XVII вв.: В ПОИСКАХ «СВОЕЙ ИСТОРИИ»

Если рассматривать формирование современных наций в странах Европы в XVI–XVIII вв. в рамках принятой в нашем проекте к верификации концепции *origo nationis*¹, согласно которой каждая нация исторически обосновывала свое «коренное» происхождение, то следует признать, что в этом процессе исключительно важную роль играло историописание. В нем нации черпали аргументы для своей легитимации. Труды европейских интеллектуалов раннего Нового времени отличаются вниманием к своему прошлому, его началам. Это прошлое инструментализируют в национальных интересах.

Русское историописание конца XV – XVII в., о котором пойдет речь ниже, ориентировано на поиски «своей» истории. Перед московскими книжниками стояла задача описать прошлое русских земель, притом встроив его в контекст мировой истории. Особенно актуальным это стало в XVI в., когда московские идеологи пытались представить Россию наследницей Византии и центром православного мира². Следует оговорить, что на эти искания свой отпечаток

¹ См.: Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей (конец XV – середина XVIII в.) в контексте зарождения современных наций в Европе: идея проекта // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства / отв. сост., отв. ред серии А. В. Доронин. М., 2017 (= Post-Древняя Русь: у истоков наций Нового времени). С. 13–28.

² В качестве примера такой работы следует привести предпринимавшиеся в конце XV – начале XVI в. неоднократные попытки составить Русский хронограф – единое повествование о всеобщей истории от Сотворения мира, в котором история Руси и Московского государства занимала бы видное место. При этом русская история здесь изложена в жанре летописи, см.: Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 36. С. 244–255; Новикова О. Л. Попыты по составлению хронографа

налагала летописная форма повествования, оставшаяся наиболее распространенной в Русском государстве вплоть до XVII в. Это объясняет также известные ограничения в возможности концептуального изложения в летописях. По данной причине здесь мы обратимся преимущественно к памятникам нелетописного жанра.

Для московского летописания XV в. свойственно внимание к истокам русской культурной традиции. Наиболее ранним памятником исторической мысли, в котором рассматриваются истоки российской государственности, является внелетописная статья «А се князи русстии». Она известна в ряде списков XV–XVII вв., наиболее ранний из которых – Комиссионный список Новгородской I летописи младшего извода, датируемый 1440–1450 гг. Сопоставляя его с текстологически близким ему «Сказанием о верных святых князьях русских», которым начинается текст в литовско-русских летописях XV–XVI вв. Никифоровской и Супрасльской³, А. А. Шахматов предположил, что данный памятник был создан еще в XIV в.⁴ В нем речь идет о началах русской истории и основании города Владимира на Клязьме. Перед нами – попытка концептуального изложения русской истории. И важен в ней не только исходный пункт – основание города Владимира. Дальнейшее повествование касается князей Северо-Восточной Руси, потомков Владимира Мономаха. Характерно, что почти каждому из них присвоено прозвище: Юрий Долгорукий, Всеволод Великое Гнездо, Александр Невский (он назван также Храбрым), Даниил Московский, Иван Калита. Князья, правившие после Калиты, – Симеон, Иван, Дмитрий, Василий – упомянуты без прозвищ. Полагаем, что так автор маркировал две разные эпохи – условно историческую и современную. При таком прочтении источника Иван Калита оказывается последним представителем первой эпохи. Характерно, что именно от него хронологической выкладкой в 108 лет, так сказать, «перекинут мостик» к кн. Ивану Васильевичу, наследнику московского престола.

Обратим внимание на то обстоятельство, что прозвищами наделены князья, начиная с Владимира Мономаха. Более ранние князья киевской эпохи остались без таковых. В последующей традиции прозвища получили более поздние московские князья, но не ранние киевские! Так, в конце XV или начале XVI в. свое прозвище получил

в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XV – начале XVI века и происхождение «Криницы Досифея Топоркова» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017. М.; СПб., 2017. С. 306–397.

³ ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Западнорусские летописи. С. 1.

⁴ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV–XV веков // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 11. С. 61.

Дмитрий Донской; в середине XVI в. – Симеон Гордый. В. Н. Татищева следует считать автором прозвища Ивана Красного. Ивана IV называли Грозным уже младшие его современники, притом на него перенесли прозвище, которое первоначально прозвучало в адрес его деда Ивана III⁵. Может создаться впечатление, что все эти прозвища закреплялись в исторической памяти русских стихийно, даже случайно. То, что это не так, нас убеждает попытка русского историка конца XVIII в. Т. С. Мальгина присвоить всем правителям Русского государства (начиная с Рюрика) новые прозвища. Три издания труда Мальгина «Зерцало российских государей» (1789–1794) и материалы к нереализованному четвертому изданию содержат разные варианты прозвищ древнерусских князей⁶. Характерно, что ни одно из них не удержалось в историографии⁷.

Присутствие в тексте «Сказания о верных святых князьях русских» имени крестителя Руси кн. Владимира Святославовича также весьма знаменательно. В статье «А се князи русстии» он не упомянут. Правда, в списке князей, который предпослан этой статье в Комиссионном списке и, несомненно, связан с ней, кн. Владимир назван Великим. В последующей традиции так он и не поименован ни разу. А в XV в. фигуру кн. Владимира активно внедряют в летописание. Как крестителя Руси его, без сомнения, почитали и раньше, но отныне его утверждают как предтечу Московского государства.

Уже в XV в. в летописании мы встречаем рассказ о походе кн. Владимира в Суздальскую землю, крещении местных жителей и основании города Владимира-на-Клязьме. Впервые он появляется в летописях, восходящих к так называемому Новгородско-Софийскому своду, что имеет важное значение. Благодаря ему деятельность крестителя Руси предстает частью российской истории. Исследования последних лет, касающиеся летописей Новгородско-Софийского круга, позволяют точно определить время и место появления легенды о Суздальском походе кн. Владимира⁸. Данное известие при-

⁵ Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193.

⁶ Лепехин М. П. Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1980 год. Л., 1984. С. 40–43.

⁷ Здесь следует упомянуть «Пантеон славных российских мужей», изданный в 1816–1818 гг., где использованы предложенные Т. С. Мальгиным прозвища древнерусских князей.

⁸ Гимон Т. В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого на Псков в 1065 г. в летописании XV в. // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVII вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого Русского государства: Сб. тр. междунар. науч. конф. Псков, 2011. С. 13–33;

сутствует во всех летописях этой традиции, причем всюду следует непосредственно за сообщением о строительстве в Киеве в правление кн. Ярослава Мудрого церкви святого Георгия, посвященной его святому покровителю Георгию Победоносцу. Освящение Георгиевской церкви отмечали как церковный праздник, о чем под 26 октября было занесено в Пролог⁹. Именно из Пролога оно попало в летопись, причем инициатором возведения храма был объявлен Владимир Святой. Таким образом, оба известия, о строительстве Георгиевской церкви и Суздальском походе, недостоверны, притом следуют одно за другим. Полагаем, что не случайно именно они открывают текст второй подборки Новгородской Карамзинской летописи. Согласно аргументированному предположению Т. В. Гимона, эта подборка в наиболее полном виде указывает на источник всех других летописей Новгородско-Софийского круга. Она была составлена около 1418–1419 гг. в Москве в окружении митрополита Фотия¹⁰.

Следует иметь в виду, что не известное нам сочинение, дошедшее в вариантах в «Сказаниях о верных святых князьях русских» и статье «А се князи русстии», оказало заметное влияние на русское летописание XV–XVI вв.

В целом же в статье «А се князи русстии» мы встречаем первое по времени изложение династической концепции русской истории, причем в том виде, в каком впоследствии она получила весьма широкое распространение. С одной стороны, она утверждала прямую преемственность Русского государства от Киевской Руси, а с другой – легитимировала власть московских князей как продолжателей династической ветви, основателем которой был креститель Руси кн. Владимир.

Нашему современнику эта династическая концепция легитимности власти московских Рюриковичей представляется очевидной, но в России XV–XVI вв. было иначе. Выстроить «правильный» династический ряд правителей представлялось нелегким делом. В качестве примера такого рода генеалогических опытов можно привести краткий летописец, сохранившийся в списках XVI–XVII вв. Выписки из него в Патриаршей редакции родословной книги названы так: «Выписано ис подлиннаго летописца царствующаго града Москвы» (РГАДА. Мазур. 240. Л. 16). Этот летописец известен нам только в

Шибяев М. А. Новгородский Софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // Новгородский исторический сборник. № 15 (25). Великий Новгород, 2015. С. 127–134.

⁹ Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 154–163.

¹⁰ Гимон Т. В. Сообщение о походе Всеслава Полоцкого. С. 26–28.

выписках или более пространных извлечениях, например в летописцах Михаила Медоварцева, в одной из предисловных статей Воскресенской летописи. В наиболее полном виде его доносит первая глава Патриаршей редакции родословной книги.

Этот Летописец сообщает о последовательности правления князей из рода Рюриковичей от Рюрика до Василия III (в его правление он, вероятно, и был составлен)¹¹. В середине XVI в. в русле этой династической концепции была создана Степенная книга. В ней российская история начинается с крещения Руси и уподоблена лестнице, ведущей Россию к Богу¹². Каждая ступень этой лестницы – правление очередного самодержца из числа прямых потомков крестителя Руси равноапостольного кн. Владимира.

Подчеркнем, что рассматриваемая здесь династическая концепция российской истории разрабатывалась русскими книжниками с XIV в. до середины XVI в. Она представляет собой продукт собственно российской исторической мысли, т. е. зародилась и развивалась в пределах Московского государства, и влияние иностранных образцов здесь предполагать не приходится. Начальной точкой формирования династической концепции в России предлагаем считать не дошедшее до нас сочинение – общий протограф «Сказания о верных святых князьях русских» и статьи «А се князи русстии», а конечной – Степенную книгу.

Другая концепция русской истории, получившая широкое распространение в русском историописании, известна как Августинская легенда. В ней речь идет о происхождении династии Рюриковичей от Пруса, брата римского императора Октавиана Августа. Самые ранние тексты, излагающие Августинскую легенду, – это Послание литовского митрополита Спиридона-Саввы о Мономаховом венце и Сказание о князьях владимирских. Оба произведения дошли до нас в списках не ранее 1520–1530-х гг. Наиболее аргументированной нам представляется точка зрения Р. П. Дмитриевой о первичности текста Послания относительно Сказания¹³. Датировка Послания за-

¹¹ Фрагмент из рассматриваемого здесь летописца уже был нами опубликован, см.: Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 446–448.

¹² Этот образ впервые использован священником московского Благовещенского собора Сильвестром в составленной им редакции Жизни княгини Ольги, а оттуда заимствован в Степенную книгу. Причем если Сильвестр лестнице Иакова уподоблял житие княгини Ольги, то в Степенной книге этот образ использован для характеристики истории Руси и Московского государства под державой династии Рюриковичей.

¹³ См. об этом: Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 193–210.

труднительна, разрешить эту задачу пока не представляется возможным¹⁴. Непреложным остается аргумент А. Л. Гольберга, который отметил использование в послании Спиридона-Саввы текста русско-тевтонского договора 1520 г.

Следует отметить присутствие как в Послании, так и в Сказании трех разных, не связанных между собой сюжетов: о происхождении Рюрика от Октавиана Августа, о передаче из Византии киевскому кн. Владимиру Мономаху царских регалий и о родословии литовских князей. Здесь следует говорить, скорее, о письменной фиксации идей, имевших разное происхождение, но в равной степени востребованных и актуальных на начало XVI в., чем о едином законченном литературном произведении.

Наиболее ранний вариант Сказания о князьях владимирских сохранился в рукописном сборнике книгописца М. Я. Медоварцева, входившего в ближайшее окружение Вассиана Патрикеева (в 1520-е гг. Патрикеев стал одним из самых влиятельных деятелей

¹⁴ С одной стороны, можно довольно точно установить время кончины Спиридона-Саввы. В начале XVI в. он, будучи уже в преклонном возрасте, проживал в Ферапонтовом монастыре, где в 1503 г. написал житие Зосимы и Савватия Соловецких. Новгородский архиепископ Геннадий (†1505) в одном из своих сочинений упоминал Спиридона-Савву в прошедшем времени, см.: *Алексеев А. И.* «Спиридон рекомый, Савва глаголемый» (заметки о сочинениях киевского митрополита Спиридона) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2010. № 3 (41). С. 6. Имя Спиридона-Саввы записано в синодике Кирилло-Белозерского монастыря, созданном на рубеже XV–XVI вв., причем эта запись относится не к основному тексту, а к припискам. Вслед за Спиридonom в той же приписке упомянута великая княгиня София Палеолог, умершая 7 апреля 1503 г., см.: *Павлов С. Н.* Иван Иванович Бриллиантов – историк Ферапонтова // *Ферапонтовский сборник.* М., 1985. Вып. 1. С. 30–31. По-видимому, около этого времени умер и Спиридон-Савва. В таком случае Послание о Мономаховом венце следует датировать временем не позднее 1503 г. Однако такая датировка невозможна. Как установил А. Л. Гольдберг, в «Послании Спиридона-Саввы» процитирован русско-тевтонский договор 1520 г., что как будто относит составление Послания к 1520-м гг. – времени появления его ранних списков, см.: *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // *ТОДРЛ.* Л., 1976. Т. 30. С. 208. И все же ранняя датировка Послания, на наш взгляд, более предпочтительна, см.: *Сиренов А. В.* Сердоликовая крабица московских князей XIV–XVI вв. как царская инсигния // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2014. № 2 (16). С. 57–66. К концу XV в. Послание о Мономаховом венце впервые отнес А. А. Зимин, см.: *Зимин А. А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* М., 1972. С. 129–133. В. И. Ульяновский предлагает иной взгляд на биографию Спиридона-Саввы и не признает за ним авторство Послания о Мономаховом венце, см.: *Ульяновский В. И.* Митрополит Київський Спиридон. К., 2004. С. 30–35.

из окружения Василия III)¹⁵. Рукописный сборник Медоварцева БАН, Арх. Д. 193, дошел до нас не в первоначальном виде, а с существенными утратами текста. Поэтому изначальный текст Медоварцевской редакции Сказания о князьях владимирских содержится не в сборнике БАН, Арх. Д. 193, а в его копии конца XVI в. РГАДА. Ф. 181 (собр. МГАМИД 365). Н. В. Сеницына, впервые обратившаяся к комплексу медоварцевских материалов, сохранившихся в рукописи МГАМИД 365, предложила рассматривать текст Сказания в комплексе с текстами о библейской, античной и византийской истории, которые окружают Сказание в МГАМИД 365¹⁶.

Несмотря на византийское происхождение тех хронографических текстов, которые сопровождают Сказание о князьях владимирских в медоварцевской подборке, очевидно, что в Августинской легенде происхождение династии московских князей оказывается вписано в контекст мировой истории в ее западноевропейском, т. е. ромоцентричном, изводе. Вымышленное происхождение родоначальника династии Рюрика от брата римского императора Октавиана Августа служило, вероятно, утверждению идеи легитимности московских правителей в рамках общеевропейской, ветхозаветно-античной парадигмы мировой истории. Не случайно Августинская легенда в XVI в. была включена в памятники официальной московской историографии – Воскресенскую летопись и Степенную книгу.

Однако бытовавшие в российском историописании XV–XVI вв. взгляды на «свою» историю не удается соотнести с получившим тогда широкое распространение в среде гуманистов-интеллектуалов Западной и Центральной Европы и основывавшемся на Древностях псевдо-Бероза представлением, согласно которому каждый известный в Европе народ имеет своего легендарного первопредка, вписанного во времена от начала мира¹⁷.

Во второй половине XVI в. в Москве стали переводить западноевропейские и западнославянские исторические сочинения. И среди них – Хроники Мартина Бельского (фрагментарно для Хронографа западнорусской редакции, в полном объеме – ок. 1584) и Конрада Ликостена (в 1599)¹⁸. Русские переводы этих хроник также ис-

¹⁵ Сеницына Н. В. Третий Рим. С. 200–210.

¹⁶ Там же. С. 201–205.

¹⁷ См. статью А. В. Доронина в настоящем сборнике.

¹⁸ См.: Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Мартина Бельского // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 93; Творогов О. В. Хроника Мартина Бельского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. С. 497; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 103.

пользовали при составлении Хронографа редакций 1617 и 1620 гг., обладавших большой популярностью в XVII в. Именно через текст Хронографа отдельные западнославянские этногенетические идеи Хроники Мартина Бельского проникали в русское историописание. Например, широкое распространение получила Грамота Александра Македонского славянам, которая утверждала существование государственности у славян еще в эллинистический период¹⁹. В Хронике Бельского проводится мысль также о возможном славянском происхождении самого Александра Македонского²⁰. Характерно, что в текст Хронографа данная подробность не вошла. В целом же, характеризуя заимствования из Хроники Вельского, включенные в текст русского Хронографа, следует констатировать, что проблема этногенеза славян мало интересовала русских книжников, редактировавших Хронограф. Например, в Хронике Мартина Бельского довольно пространно повествуется о двух братьях, Лехе и Чехе, от которых произошли поляки и чехи: *«Лях и Чех в те поры великими и славными два брата родные княжата словенские меж словаки. И те два брата видячи нутренние воины меж своими и выехали своими полки из великих поль и пришли на запад солнца в Немецкую землю и там ту землю засели меж рекою Вислою... которая в Немецкой земле славна, и зачали там град и место именем Бремя для обороны от недругов. И ныне немцы прозывают Бремян. И там великие были войны с немцами... Чех на горе у Дуная свою землю держал... Лях таково же от верху Вислы реки и одры на полунощи и на запад солнца всю землю держал, где ныне полская Слонско...»*²¹ Этот текст и подобные не обратили на себя внимания составителей и редакторов русского Хронографа. Из Хроник Бельского и Ликостена в текст Хронографа оказались инкорпорированы тексты, повествующие об истории Западной и Восточной Европы с античности до современности. Правда, Хронографом не ограничивалась рецепция Хроники Бельского в России. В рукописных сборниках XVII в. встречаются выписки из русского перевода Хроники. В качестве примера приведем два сборника исторического содержания первой половины XVII в. (БАН, собр. И. И. Срезневского, II, 119; РГБ. Ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), 611). Рукопись из собрания Срезневского была созда-

¹⁹ Мильников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. СПб., 1996. С. 45–94; Бойцов М. А. Как Александр Македонский по пути из Чехии поддержал москвитов // Polystoria: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе. М., 2016. С. 292–300.

²⁰ Мильников А. С. Картина славянского мира. С. 88.

²¹ РНБ. F.IV.162. Л. 923 об. – 924.

на в Казани, а рукопись из собрания Ундольского – в Ярославле²². В обоих случаях использован один и тот же источник – подборка из русского перевода Хроники Мартина Бельского, составленная, судя по всему, в конце XVI в. Характерно, что русского читателя Хроники Бельского интересовали диковинные происшествия (рождение уродцев), редкие явления природы (выпадение пепла или камней в виде дождя) и пр. Присутствующие в хронике этногенетические легенды не привлекли внимания составителя выписки, соответственно, они не были включены в восходящие к ней два частных летописца XVII в.

В продолжение XVII в. из Польши многократно привозили издания польских хроник и других исторических сочинений, переводы которых изготавливали как в украинских и белорусских землях, так и в России²³. Усвоение приемов европейского раннемодерного историописания с неизбежностью должно было произойти и в российской историографической традиции. Его демонстрирует, прежде всего, автор Сказания о Словене и Русе – сочинения второй четверти XVII в., навеянного идеями и образами польских хроник²⁴. Здесь приведены западнославянские этногенетические легенды, правда, в переработанном виде. В Сказании действуют легендарные князья Словен и Рус, Великосан, Асан и Авесхасан, Лалох и Лахерн славянского происхождения. Фигурирует и Грамота Александра Македонского славянам. Логической связи между отдельными сюжетами не наблюдается, и в этом отношении Сказание о Словене и Русе напоминает рассмотренное выше Послание Спиридона-Саввы. В обоих сочинениях представлены историографические схемы, заимствованные из западной традиции исторического повествования, которые надлежало приспособить к российской практике историописания.

Относительно автора Сказания о Словене и Русе окончательной определенности нет. А. В. Лаврентьев выдвинул предположение о составлении Сказания новгородским митрополитом Ки-

²² *Сиренов А. В.* Хроника Мартина Бельского и два частных русских летописца первой половины XVII в. // *Летописи и хроники. Новые исследования.* 2015–2016: Сб. ст. памяти О. В. Творогова / ред. О. Л. Новикова. М.; СПб., 2017. С. 398–428.

²³ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. С. 76–81; *Лукичев М. П., Морозов Б. Н.* К истории организации официального летописания XVII в. // *Археографический ежегодник за 1992 год.* М., 1993. С. 139, 140.

²⁴ *Гольдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1982. Т. 13. С. 50–62.

прианом Старорусенковым, поскольку в тексте присутствуют и легенда об основании Старой Руссы (родины митрополита Киприана), и сибирские реалии (Киприан с 1621 по 1626 г. был митрополитом Сибирским)²⁵. В таком случае Сказание следует датировать временем между 1621 г. (прибытие Киприана в Сибирь) и 1636 г. (кончина Киприана). В пользу авторства Киприана говорит внимание к Старой Руссе, уроженцем которой был Киприан, а также явная склонность этого иерарха к историческим сочинениям и литературной деятельности. Будучи сибирским митрополитом, он инициировал начало сибирского летописания, которое в течение XVII в. стало заметным явлением в истории русской культуры²⁶. Однако нет оснований считать, что Киприан был знаком с польской историографией. В своих действиях он предстает мыслящим в традиционно московском ключе.

Исследователи затрудняются определить, какими именно источниками пользовался автор Сказания о Словене и Русе. Несомненно влияние на него польских исторических сочинений XVI в. Так, свое повествование он начинает с перечисления сыновей Афета, но их имена оказываются не те, что вслед за псевдо-Берозом перечисляет М. Стрыйковский, а другие: Словен, Рус, Болгар, Коман и Истер.

На наш взгляд, особое значение для определения среды, в которой было создано Сказание, имеет самый ранний его список – РГБ. Ф. 726 (собр. И. К. Андронova) 2, который датируется 1638 г. Помимо текста, в этой рукописи представлено изображение печати, которая якобы украшала грамоту Александра Македонского русским князьям (см. Приложение 1, а также *ил. 1*)²⁷. Согласно Н. В. Савельевой, рукопись Андрон. 2 происходит из Соловецкого монастыря. Ее содержание составили материалы, бытовавшие в окружении справщиков Московского печатного двора, среди которых видное место занимал выдающийся соловецкий книжник того времени Сергей Шелонин. Таким образом, в соловецком по происхождению рукописном сборнике Андрон. 2 до нас дошли тексты, имевшие хождение среди интеллектуальной элиты Москвы того вре-

²⁵ Лаврентьев А. В., Турилов А. А. «Повесть о Словене и Русе» («Сказание о Великом Словенске») о происхождении и ранней истории славян и руси // Славяне и их соседи: Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего Средневековья и раннего Нового времени: Тезисы докладов. М., 1996. С. 19–25.

²⁶ Ромодановская Е. К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3. XVII век. Ч. 2. С. 156–163.

²⁷ Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Русе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3. С. 445.

мени²⁸. Оговоримся, что причастность Киприана Старорусенкова к созданию Сказания вполне вероятна, поскольку этот иерарх активно участвовал в литературном процессе и в Новгороде, и в Тобольске, и в Москве. Ему, в частности, резонно приписывают участие в создании таких явно московских памятников, как Документальное сказание о даре шаха Аббаса и даже Новый летописец²⁹. Здесь важно подчеркнуть, что Киприан Старорусенков едва ли мог быть автором текста, основанного на рецепции польских хроник. В тексте встречается ссылка на «белорусский язык» при объяснении значения слова «Перун», а также полонизм «пресвятажный рыцарь» в отношении Александра Македонского³⁰ и характерная форма имени бога Марса – «Марш»³¹. Заслуживает внимания и указание на славянских князей Лалоха и Лахерна, а также связь последнего с Влахернами – районом Константинополя, где этот славянский князь якобы был похоронен. Полагаем, что константинопольская топонимика появилась в тексте Сказания не случайно. Она также может помочь нам в поисках автора. Весьма значим и присутствующий в той же рукописи текст, озаглавленный «От латинскаго летописца» (Л. 156–158, см. приложение 2) и представляющий собой генеалогический ряд библейских персонажей, выполненный в традиции, идущей от псевдо-Бероза (см. приложение 2). Здесь обозначены праотцы разных народов и «царств». Согласно этому тексту, одним из сыновей Ноя был Сим, у Сима – Арфаксад, у Арфаксада – Сала, у Салы – Евер, у Евера – Фалек, у Фалека – Рагав, у Рагава – Серух (Быт. XI. 20, 23; Лк. III. 35). Последний охарактеризован как основатель Скифского царства или Руси. Соответственно, Русь вписана в ветхозаветную традицию через потомство Сима, через Азию. Затрудняемся указать конкретный источник данного текста, однако полагаем, что перед нами тот историографический контекст Сказания о Словене и Русе, какой в отношении Послания Спиридона-Саввы видела в Медоварцевской редакции Н. В. Сеницына.

²⁸ Савельева Н. В. Стихотворная антология «Предисловия многообразна...» (вопросы атрибуции и истории текстов в связи с деятельностью московского Печатного двора 30-х – начала 50-х годов XVII века) // Книжная старина: Сб. науч. ст. СПб., 2008. Вып. 1. С. 124–125.

²⁹ Гухман С. Н. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 264–270. О вероятности авторства Киприана по отношению к Новому летописцу см.: Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 312–314.

³⁰ См.: Бойцов М. А. Как Александр Македонский по пути из Чехии поддержал москвитов. С. 298

³¹ Буланин Д. М., Турилов А. А. Сказание о Словене и Русе. С. 445.

А. С. Мыльников выявил факт использования Сказания о Словене и Русе в написанном в 1640 г. панегирике польского автора Конрада Тамнитууса, посвященном матери короля Яна Казимира³². В России Сказание обрело популярность уже в середине XVII в., оказавшись включенным в текст списка Степенной книги РНБ, Погод. 1424 (1640-е), Хронографа астраханского архиепископа Пахомия (1650), Патриаршего летописного свода 1652 г., списков Хронографа редакции 1620 г., а также рукописных сборников различного состава. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о столичном происхождении рассматриваемого текста.

Автор Сказания, следуя традиции польских хроник, объясняет происхождение тех или иных топонимов и гидронимов их наименованием в честь героев древней истории. Так, озеро Илмер (Ильмень) названо по имени сестры Словена и Руса, реки Волхов и Волховец – по именам сыновей Словена; река Шелонь – по имени жены Словена; река Жилотуг – по имени внука Словена; реки Порусия и Полиста – по именам жены и дочери кн. Руса, а город Старая Русса – по имени кн. Руса. Этот прием был воспринят русскими книжниками и лег в основу целого ряда топонимических и гидронимических легенд.

Особенно ярко это отразилось в так называемых повестях о начале Москвы. Они происходят от осуществленной в середине – второй половине XVII в. переделки статьи «А се князи русстии», о которой шла речь выше. Сюжет, с которого она начинается, – основание города Владимира на Клязьме – в Повестях о начале Москвы заменен на сюжет об основании Москвы. В обоих произведениях речь идет об Андрее Боголюбском и его убийстве, приведены сведения (например, о казни убийц князя), отсутствующие в других источниках. Композиция статьи «А се князи русстии» в Повестях о начале Москвы сохранена, но, вместо краткого известия об основании Владимира, в них помещена пространная и явно не достоверная легенда об основании Москвы³³. Причем в разных вариантах повести (их различия настолько велики, что повести можно рассматривать как самостоятельные произведения) встречаются и разные варианты этой легенды. В одной из повестей, по-видимому, под воздействием киевского Синописа, упомянут Мосох как праотец московитов, от которого якобы и пошла Москва.

Если относительно происхождения Повестей о начале Москвы до настоящего времени нет ясности, то другой восходящий к Сказанию

³² Мыльников А. С. Картина славянского мира. С. 71.

³³ См.: Повести о начале Москвы / вступ. ст. и подг. текстов М. А. Салминой. Л., 1964. С. 173–259.

о Словене и Русе комплекс текстов второй половины XVII в. имеет вполне надежную атрибуцию. Речь идет о сочинениях иеродьякона Афанасьевского монастыря на Мологе Тимофея Петрова, который называл себя также Тимофеевым Каменевичем-Рвовским. Как полагают исследователи, первая часть его полонизированного псевдонима является переводом на русский язык отчества «Петров», поскольку греческое имя Петр переводится на русский как «камень». Вторая часть фамилии «Рвовский» указывает на место его первоначального служения – московский собор Покрова на Рву, известный в настоящее время как собор Василия Блаженного.

Каменевич-Рвовский по меньшей мере дважды обращался к переделке Сказания о Словене и Русе. Оба варианта предпринятой им переработки читаются в рукописном сборнике ГИМ, Синод. 964, причем в автографе автора. Основная цель литературного труда Каменевича-Рвовского заключается в написании истории Холопьяго городка – древнего поселения, которое находилось поблизости от монастыря, насельником которого он был. Начиная свое повествование от Ноя, автор широко пользуется Сказанием о Словене и Русе, а затем переходит к основанию Москвы. Здесь в его повествовании появляется Мосох, по-видимому, заимствованный из киевского Синописа Иннокентия Гизеля или из упоминавшихся выше Повестей о начале Москвы. Однако сам рассказ об основании Москвы сочинен Каменевичем-Рвовским самостоятельно. Здесь обращает на себя внимание попытка объяснить названия московских рек через имена членов семьи Мосоха. О Москве-реке сказано, что *«проименовал ю Мосох князь по имени своему, самого себе и жены своя княгини прекрасная и предлюбезная, нарицаемая Кы. И тако по сложению общекупному имен их, князя нашего Моса и княгини его Кы красная, преднаречеса тогда река та, до них самих изначала безыменитая предбывшая, Москва река прозванием их»*³⁴. Название реки Яузы объясняется так: *«...преименовал ю Мосох в место чадородий своих честных, сына своего первородного, именуемаго сице Я именем и прозванием своим тако зовома Я, тогда с ним предприбывшаго, и во имя дщери своя Вузы прекрасная и предлюбезная, тако предзовома, с ним же тогда предприбывшия; и такожде назва ю, реку ту безыменитую вторым прозванием и тех же детей своих общекупным их именованием Явуза река»*³⁵. Река Шексна, согласно объяснению Каменевича-Рвовского, *«наречеса от имени первого на ней жителя Шека и жены его, богатырки сильная сущия, Сны*

³⁴ Гиляров Ф. А. Предания русской Начальной летописи. М., 1878. Приложение. С. 26.

³⁵ Там же. С. 26–27.

рекомья; и тако проименованием их обоих сих наречеса Шекъсна река»³⁶. Отметим, что если автор Сказания о Словене и Русе выводил происхождение того или иного гидронима от имени одного легендарного персонажа, то Каменевич-Рвовский систематически пытался сочетать в одном гидрониме два имени (Мос и Ква, Я и Вуза, Шек и Сна). В качестве образца такой этимологии он мог использовать сюжет об основании Византия (будущего Константинополя) из Хронографа западнорусской редакции: «Царство же Еллинское, еже есть Греческое, хошет быти от Алимпиады, дщери Фола, царя Ефиопскаго, юже поят Виз царь и роди от нея дщерь Антию, и созда град, и нарече его во имя свое и во имя дщери своя Византия, иже бысть мати градовом Греческаго царства»³⁷. Правда, иногда у Каменевича-Рвовского встречается и другой подход: происхождение названия реки Мологи реки он выводит от имени языческого бога Молоха, а впадающих в нее рек Мелеки и Мелечи – от имен его жены и дочери. Описав таким образом окрестные земли, находящиеся вблизи его монастыря, Каменевич-Рвовский наименовал жителей этого края мологами (возможно, молохами или молосами): «...именовахуся людие молоси – вси живуции по Молозе реце»³⁸.

Сопоставляя Сказание о Словене и Русе с сочинениями Каменевича-Рвовского, следует отметить присутствие в обоих случаях сюжетной близости с Записками Сигизмунда Герберштейна, изданными на латинском и немецком языках в середине XVI в., о знакомстве с которыми в России до XVIII в. свидетельств не имеется. Так, Герберштейн пишет о происхождении названия государства Россия следующее: «Одни полагают, что оно произведено от Русса, брата польского государя Леха, поскольку этот (Русс) был-де государем русских. Другие ведут его от имени весьма древнего города Русы, неподалеку от Новгорода Великого»³⁹. Довольно подробно описан у Герберштейна и Холопий городок, причем приведена легенда, как указывают исследователи, заимствованная у Геродота, об основании своего города изгнанными холопами (рабами), которые, воспользовавшись долгой отлучкой господ, вступили в сожителство с их женами⁴⁰. Каменевич-Рвовский также знает эту легенду, но приводит ее в несколько измененном виде: холопы сначала ушли

³⁶ Гиляров Ф. А. Предания русской Начальной летописи. Приложения. С. 35.

³⁷ ПСРЛ. Пг., 1914. Т. 22. Ч. 2. С. 33.

³⁸ Гиляров Ф. А. Предания русской Начальной летописи. Приложения. С. 35.

³⁹ Герберштейн С. Записки о Московии / под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. 1. С. 34–35.

⁴⁰ Там же. С. 342–345.

из Новгорода и основали свои «холопии» города, а затем напали на Новгород, захватили его и надругались над женами новгородцев. За это новгородцы наказали своих старых холопов и разорили их города. Таким образом, заимствованный Герберштейном из Геродота бродячий сюжет превратился под пером Каменевича-Рвовского в описание крупномасштабного военного мероприятия – почти гражданской войны. Исследователи склонны видеть и в описании Герберштейна, и в повествовании Каменевича-Рвовского отражение древнего предания, основанного на реальных событиях⁴¹. Однако отмеченный параллелизм можно объяснить иначе. Нам неизвестно, с каким вариантом Сказания имел дело Каменевич-Рвовский. Возможно, в его руках оказались материалы составителя Сказания о Словене и Русе. Тот факт, что они бытовали в рукописной традиции, подтверждается соловецкой по происхождению рукописью Андрон. 2. Вполне могли существовать и другие варианты ранней версии Сказания. Впрочем, этот вопрос нуждается в специальном рассмотрении⁴². Пока же можно констатировать, что Каменевич-Рвовский был наиболее последовательным продолжателем традиции, заложенной в русском историописании Сказанием о Словене и Русе.

Историографическая традиция первой половины и середины XVIII в. в настоящее время изучена недостаточно. Но даже сейчас можно указать на случаи использования Сказания о Словене и Русе при создании местных исторических описаний. Так, в первой четверти XVIII в. была написана Повесть о земле Вятской, которая начинается пространным заимствованием из Сказания о Словене и Русе⁴³. В 1750-е гг. было составлено Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздале. Его автор, ключарь суздальского кафедрального собора Анания Федоров, также начал свое повествование с краткого изложения Сказания о Словене и Русе. Однако в отличие от вятского автора первый суздальский краевед внес в текст своего

⁴¹ См., напр.: *Смирнов П. П.* Сказание о холопей войне в Древней Руси // Уч. зап. Московского горпединститута. М., 1947. Т. 2. Вып. 2. С. 3–50; *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 68–72; *Фроянов И. Я.* Мятельный Новгород. СПб., 1992. С. 47–55.

⁴² Обратим внимание на наличие материалов, раскрывающих творческую лабораторию Каменевича-Рвовского. Помимо сборника Синод. 964, это еще и обширный комплекс весьма разнородных текстов. См. о нем: *Новикова О. Л.* Пометы петровского времени в трех известных рукописях XV–XVI веков и труды Тимофея Каменевича-Рвовского // Вестник Альянс-Архео. 2018 [в печати].

⁴³ Повесть о стране Вятской (Вятский летописец): Памятник вятской письменности XVII–XVIII века / изд. А. В. В[ерецаги]н. Вятка, 1905. С. 22–25.

источника некоторые изменения. В нашем распоряжении имеется первоначальный вариант труда Анании Федорова – так называемая Летопись о построении града Суждаля, в которой читаем о трех братьях Асане, Авесхасане и Великосане: «Тогда избравше себе на поселение места угодна в великих горах и непроходимых местех близ озера Илмени и великия реки Волхова. И тамо больший брат Асан постави град великий и нарече его град Славенск, он же и Новгород Великий. Второй же брат Афесхасан Русый избра себе место угодно и постави град, и нарече его град Россия Великий. Третий же брат премудрый Великосан отшел в великие леса и в водныя и потныя дубравы и раменныя места, на черныя и мягкия земли близ реки Нерли на реке Каменнице, и тамо постави град великий, и по своему премудрому суждению нарече его град Суждаль, и ради величества и обладания своего нача в нем обладательно княжити»⁴⁴. В сокращенном виде этот текст был включен и в Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале⁴⁵. Здесь, как видим, основание древних городов приписано не Словену и Русу, а Асану, Хасану и Авесхасану. Причина этого переноса функции фундаторов ясна: автору нужно было показать, что Суздаль является древнейшим городом наряду с Новгородом и Старой Руссой. Поэтому, вместо двух братьев-основателей, было необходимо сослаться на трех братьев. Основание Славенска Асану приписано без каких бы то ни было аргументов. Авесхасану присвоено прозвище Русый, чтобы как-то связать его имя с основанием Руссы. Относительно названия Суздаля в Летописи о построении града Суждаля высказано мнение, что Суздаль основан Великосаном по его «премудрому суждению»⁴⁶.

Существенным образом на развитие российского историописания конца XVI – XVIII в. повлиял Синописис Иннокентия Гизеля, первые три издания которого, вышедшие в Киеве в 1674, 1678 и

⁴⁴ Древняя российская вивлиофика. СПб., 1791. С. 19. С. 359–360.

⁴⁵ Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1855. Кн. 22. Материалы. С. 1.

⁴⁶ В окончательном же варианте текста, в Собрании о богоспасаемом граде Суждале, автор вернулся к этому вопросу и представил читателю этимологическое исследование. Здесь приведена точка зрения, что название Суздаль можно вывести из греческого – из слов «*σὸς δοῦλος*» («его раб»). С этим Анания Федоров спорит, утверждая, что Суздаль не может быть «холопым» городом, поскольку построен по воле князя и первым в своей земле, см.: Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. С. 3. Здесь можно предположить знакомство суздальского историка с преданием о холопней войне и холопных городах в изложении Каменевича-Рвовского.

1680 гг., были хорошо известны российским книжникам конца XVII в. В течение XVIII в. Синописис неоднократно переиздавали в Москве и Санкт-Петербурге; он разошелся в рукописных копиях и выписках, так или иначе отозвался эхом во многих российских исторических сочинениях, начиная с 1670-х гг.⁴⁷ Выше упоминалось влияние Синописиса на одну из Повестей о начале Москвы и творчество Каменевича-Рвовского. Благодаря Синописису концепция *origo nationis* в том виде, в котором она была усвоена украинскими книжниками XVII в., оказалась транслирована в российскую историографию. Однако рассмотрение этого явления выходит за рамки настоящей статьи.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в российской традиции историописания XV–XVII вв. шел сложный и переменчивый процесс конструирования «своей» истории. Наиболее значимые вехи этого процесса – статья «А се князи русстии», Послание Спиридона-Саввы и Степенная книга. Во второй четверти XVII в. в процессе усвоения русскими книжниками польской историографической традиции появилось Сказание о Словене и Русе – по нашему мнению, памятник отнюдь не провинциальный, сразу же получивший широкое распространение. Здесь, очевидно, оказались востребованы принятые на Западе линии исторической легитимации. Именно Сказание о Словене и Русе стало тем текстом-траслятором, благодаря которому новая для российского читателя парадигма начала постепенно проникать в российское историческое повествование – от памятников историописания XVII в. к историографии XVIII в.

⁴⁷ В качестве примера приведем работу архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря Тихона по составлению Латухинской Степенной книги. Получив в 1678 г. новое издание Синописиса, Тихон изложил, опираясь на Синописис, всю раннюю историю Руси, см.: *Васенко П. Г.* Заметки к Латухинской Степенной книге. СПб., 1902. С. 47–51. Можно предположить, что изначально он планировал привлечь для этого другие источники, в частности Степенную книгу и русские летописи XVI в.

Приложение 1

Сказание о Словене и Русе по списку РГБ. Ф. 726 (собр. И. К. Андронova) 2

(Л. 138)

О словенстѣмъ родѣ

Внуцы Афетовы Скифъ и Зарданъ отлучишеса братии своя и коснушася полуденныхъ странъ и вселишася во Ексинопонте, и нарекошася скифяне. Начальницы же в родѣ ихъ княжаху, единаго отца дѣти, первый Славенъ, Русъ, Болгаръ, и Команъ, Истеръ. Отъ нихъ же и каганъ сыроядецъ изскочи.

И в лѣто по потопѣ 313 Славен и Рус, отлучшеса рода своего, доидоша езера Мойска, послѣ же Ирмеръ прозвася во имя сестры ихъ, и сѣдоша на рѣцѣ Мутной, иже и Волховъ по имени сына Славенова Волхова, и поставиша градъ и Славенскъ Великий, иже есть Новградъ. И рѣку назваша Шелонь во имя Славеновы жены; и Волховець во имя сына. Большой же сынъ Волховъ бѣсоугодникъ и чародѣй лють, его же невѣгласи Бога нарицаху, и Перуна его нарекоша, сирѣчь громъ, идѣже созда градецъ Перыня, его же и кумиръ стояше, иже бѣсы лють расторжены и извержены к Перыни. И могила его просыпася во дно адово. И родися Волховцу сынъ Жилотугъ, // (л. 138 об.) в немъ же и утопе. Другий братъ Русъ в Старой Русе; и реку во имя дщери его Полиста.

Отъ потопа до создания Новаграда 327 лѣтъ.

И по сихъ князи бѣху Великосанъ, Асанъ, Авенхасанъ. В то же время и Александръ Македонский, иже и всесвѣтныи царь, к нимъ и писание с честью, и дары присла:

Александръ, царь царемъ и надъ цари презвитежный рыцерь и всего свѣта обладатель, и всѣмъ иже подъ солнцемъ грозныи повелитель, к покорнымъ же мнѣ милосердыи щадитель, к непокоривымъ яросныи мечъ и бичъ Божий, страхъ всего свѣта, честнѣйшый надъ честными в далекостоятелномъ и неудобъ знаемъмъ краи вашемъ отъ нашего величества честь и миръ и милость вамъ и по васъ храбросердому народу славенскому зацнѣйшему роду рускому, княземъ и владцемъ отъ моря Варяжского даже до моря Хвалижского велебнымъ и милымъ храброственному, мудрому счастному Авенхасану вѣчне поздравление, яко самыхъ васъ лицемъ к лицу любезнѣ цѣлюю и усерднѣ объемлю, яко други по сердцу моему. И сию // (л. 139) власть даю вашему владычеству, аще каковъ народъ вселится в предѣлехъ вашего княжества отъ моря до моря, да будутъ вамъ и потомству вашему подлежаще вѣчной работѣ, во ины

же предѣлы отнюдь да не поступить нога ваша. Сие достохвальное дѣло замчено симъ нашимъ листомъ и подписано цесарскою⁴⁸ высокодержавною правицею и за природнымъ нашимъ государьскимъ златокованымъ гербомъ привѣшеннымъ дано вашей честности в вѣчность в мѣсте нашего дѣла в велицей Александрии изволениемъ великихъ боговъ Марша и Юпитера и богинь Верверы и Венусы мѣсяца примоса началнѣйшаго дне. А привил[и]е цесарские руки верху строкъ златоперными писмены писано: Мы, Александръ царь царемъ и надъ цари, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венусы в небѣ, земский же Филипа силнаго царя и Алимпияды царицы нашею высокодержавною правицею утвердихъ вѣчнѣ. [далее – рисунок печати]

И сие почитаху вельми, повѣсиша в божницы на правицѣ идола Велеса.

И по сихъ князи два // (Л. 139 об.) Лахъ и Лахернъ, его же убиша во Царѣграде. Лахъ же, язвень, с оставшими возвратися и живяху отнюдь яко скоть, и разсыпашася по странамъ. Славенскъ и Руса опустѣша. И по многихъ лѣтехъ з Дуная словене пояша скифы и болгары, и населиша грады оны, и сѣдоша близъ Ирмеря, и поставиша князя отъ роду своего Гостомысла. И оттоле поляки, и по рекѣ положчане, мазовияне, мутияне, чюдь, сѣвери, лопь, серби, мордва.

Сынъ у Гостомысла Словень, и умре. Сынъ же его Изборъ, во свое имя нарече Изборск, и змиемъ уядень умре. И при смерти Гостомысл повелѣ и Прусския земля молити Кесарева от роду Августа на княжение. И обрѣтоша князя великаго Рюрика. И прииде на Русь з двѣма братама своима с Триворомъ и с Синеусомъ.

⁴⁸ Далее зачеркнуто слово «рукою».

Приложение 2

Выписка из «латинского летописца» в рукописи РГБ. Ф. 726 (собр. И. К. Андропова) 2

(Л. 156)

Отъ латинскаго лѣтописца.

При Енохе 1-я грамота, иже преселень бысть. По потопѣ Симъ, сынъ Ноевъ, роди Арфаксада, от него же халдѣи.

2 грамота. Арфаксад роди Салу, от него же древнии самаряне и индияне быша. Сала роди Евера, от него же евреи. Евер роди Фалека, столпъ созидается, сирѣчь столпотворение. Фалекъ роди Рагава, первое начатся идолопоклонение. Рагав роди Серуха, при семь начатся царство Скифское, се и Русь. В лето 2905 Русское царство скифское. Серух роди // (л. 156 об.) Нахора, царство Египетское начатся.

Третья грамота. Нахоръ роди Фару, царство Асирийское и Сикимское начатся. Фара роди Аврама. Короастр волхвованія обрет. Авраамъ роди Исаака. Исаакъ роди Иякова, Агриворское царство наречеса.

Первое время до потопа. Второе время до Авраама. Третье время до Давида. Четвертое время до плѣнения Иерусалимскаго. Пятое время до Римскаго царства.

Во еврейское работание во Египтѣ Афлас астрологию обрѣте. По сем при Моисеи начатся жидовская грамота. Во время судей при Деворе пророчице Аполлос лекарства хитрость обрѣте. По Авимелесе при Тофле судии Приямусь царствова в Троаде. При Аире судии Карментис латинская писания обрѣте – шестая грамота. При Евфаи судии Еркулесъ в пламень ввержеса. При Авеке судии Александръ Елену во// (Л. 157) схитиль. При Авдоне Троада взята бысть. Иенѣя во Италию иде. Сампсонъ Асканио Албанъ градъ созда, отъ него же албане. При Давиде Картагенъ отъ Дидона созидается. Гадъ, Иасафъ, Нафанъ пророцы при Авии Авимелехе архiereи бяше. При Ассе Ахия, Амосъ, Иегусъ, Иоиль, Азария пророцы. При Асафате Илия, Елисей, Авдѣя, Михѣя пророцы. При Охозии в лѣто первое Илия восхищенъ бысть. При Хофолии Ионадавъ, сынъ Рихавовъ, священникъ, Иоадай архiereей. При Оасе Захария пророкъ убить и Елисей умре. При Амасии Картагенъ созданъ, а инии, глаголють, преже при Охозии. Олимпиясь у грековъ уставися, а Сирийское царство к мидомъ приводится. При Афаме Ромъ и Ромиль родишася. При Ахазе Римъ создася. При Езекии старѣйшинство в Римѣ начася. При Манасии сивилла Саиня. При Осии Талесъ

философъ. При Артаксерксе Ездра, пожень, законъ обнови. // (Л. 157 об.) По семь при Дарии иже Нотусъ, рекше знамениты, наречены. Платонъ и Горгий. По семь при Артаксерксе Есфирь бысть. По семь Артаксерксъ, иже Охусъ нарицаемъ. При семь Димостень и Аристотель. Та же Птоломей, при семь 70 преводникъ. По немъ Евергетесь сирѣчь благодатель или благодатный. При семь Исусъ Сираховъ книгу составилъ. А Маккавейская книга еще до 70 преводникъ. А вторая история Маккавей после Исуса Сирахова. Тогда римляне грековъ одержаша. При Епифниеве царствѣ Римъ греки обдержаша. По семь Филометоръ царствова, Афракю одолѣлъ. По семь Вергетесь царствова, Испанию покорилъ. По сем Сотерь царствова, тракияне римлянѣмъ покоряются. Таже Александръ царствова, Сирия Риму покорена бысть. По семь Птоломѣй царствова, риторская хитрость в Римѣ начатся. **Зри**, по колицѣхъ лѣтѣхъ и по многихъ греческихъ мудре// (Л. 158) цѣхъ бысть се. По семь Дионисий царствова, та же Помпеосъ иудеи взялъ. По семь Клеопатра, Египеть Риму покорися. По семь Иулий Кесарь – сей первый монархъ, сирѣчь единоначальство обдержа.

Того же слова.

По потопѣ во дни Арфаксада начало царства Египетскаго вкупѣ с Вавилономъ. А грамота еллинская восточная преже начатся, егда еще не бысть Ромейское царство, еже есть Римское, понеже Тройское царство разорися от еллинъ, еже отъ грекъ во дни Самоила пророка за 1000 лѣтъ до воплощения Христова. Потомъ отъ Рома и Рима создася Римъ, та же Византия.

Гронографъ.

Умершу Рому, Ромиль братъ его, созда градъ и нарече Римъ, и собра жителя отъ инѣхъ странъ, посади в немъ и царствова ту.

Царство Ромила, перваго царя в Римѣ, начатся во 12 лѣто Иезекія царя иудеомъ, до него же царствова Алва 39 лѣтъ. Сей Алва, // (Л. 158 об.) сынъ Асканиевъ, сына Енѣва, по Тройскомъ плѣнении. За Енѣмъ была Преуса, дщерь Прямова, царя Тройска.

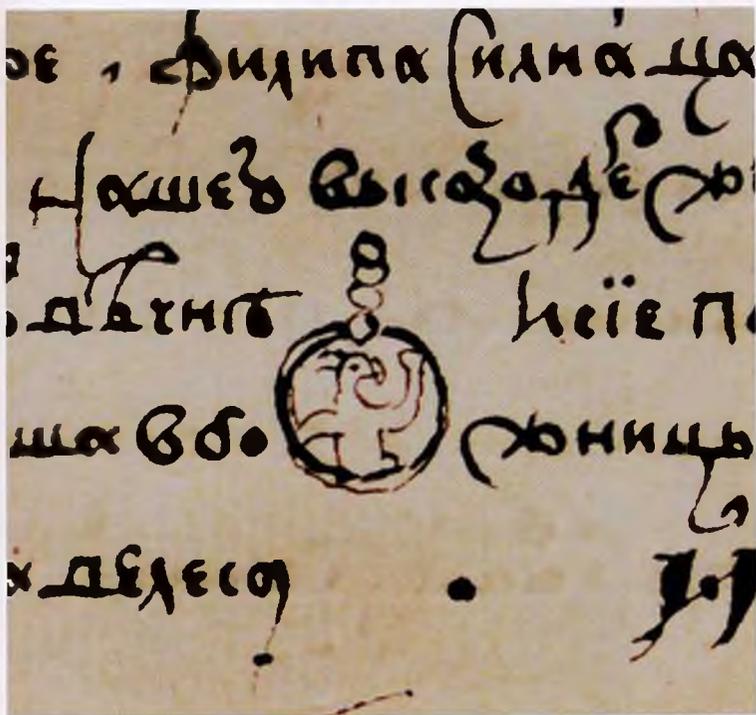
О Вавилонѣ.

Навходоносоръ царь царствова 24 лѣта и пооблада Иерусалимомъ 17 лѣтъ, и градъ великъ Вавилонъ созда плитами и камениемъ.

Ездра пророкъ бѣ за 500 лѣтъ до воплощения Христова.

О Византии.

Во Египтѣ бысть царь Нектанавъ отъ рода Филикса царя, иже облада Вселенною. И сей роди Александра от Алимпияды, жены Филипповы. Жить Александръ 30 лѣтъ и скончася. Мати же его возвратися ко отцу своему Фолу, царю Ефиопску. Фоль же вдасть ю за Виза, сродника Нектанавова. Визъ же царь роди от нея дщерь Антию и созда градъ во свое имя и дщери своея: Византия, иже нынѣ Констянтинградъ, во дни Манасия царя Иудейска.

Ил. 1. Изображение печати Александра Македонского в списке
Сказания о Словене и Русе
РГБ. Ф. 726 (собр. И. К. Андропова) 2. Л. 139